

Лия Бушканец

Частная переписка как источник изучения психологии провинциального русского литературоведа второй половины XX века

История русского литературоведения второй половины XX в. стала в последние годы предметом частой саморефлексии. Но основное внимание уделяется либо «столичной» ее составляющей, либо вершинным литературоведческим именам. Были введены в научный оборот личные архивы литературоведов¹ и осуществлены ценные публикации писем Юлиана Оксмана, Корнея Чуковского и др.², попутно были определены текстологические принципы публикации частной переписки литературоведов и выявлено значение ее как источника. Безусловно, внимание исследователей привлекают прежде всего самые яркие представители литературоведения. Но без истории провинциального литературоведения история нашей науки в полной мере не может быть восстановлена, при этом тоже нужно вводить в научный оборот частную переписку широкого круга ученых.

Одним из казанских литературоведов второй половины XX века был Ефим Григорьевич Бушканец (1922–1988). Выпускник Казанского университета (1940–1948 гг. с перерывом на годы войны), он еще студентом сделал ряд открытий в архивах, в том числе нашел новые материалы о Л. Толстом-студенте Казанского университета. На протяжении 20 лет работал заместителем директора по науке Государственного музея Татарии, при этом в фондах музея им был обнаружен адрес журнала «Современник» Ивану Тургеневу в честь десятилетия сотрудничества, который остался неврученным писателю и через дальних родственников Николай Некрасова попал в Казань. В 1955 г. в Саратовском университете защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба журнала «Современник» за политическое воспитание писателей-демократов (1859–1861)», тогда же определились его научные интересы: история общественной мысли России XIX века и ее связь с литературой. В 1963 г. в Пушкинском Доме (ИРЛИ) ученый защитил докторскую диссертацию на тему «Русская нелегальная поэзия второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX века» (оппоненты – акад. Милица Нечкина, чл.-корр. АН СССР Павел Берков, д. филол. наук Федор Прийма). С 1964 г. и до 1988 г. Ефим Бушканец заведовал кафедрой литературы Казанского педагогического института, занимался творчеством Герцена, Льва Толстого, Короленко, Горького, Тургенева, был составителем и редактором сборников «Казань в истории русской литературы», «Вопросы источниковедения русской литературы» и др. Много было им сделано для обоснования места Казани в истории русской литературы.

Тесные научные и личные контакты связывали казанского ученого с литературоведами по всей стране: Поволжье (Николай Травушкин; Александр Скафтымов, Адольф Демченко, Нина Чернышевская, Татьяна Усакина, Павел Бугаенко, Леонид Фарбер, Серафим Орлов, Мария Ермакова, Николай Фортунатов, Ирина Киреева, Юрий Лебедев), Иваново (Павел Куприяновский,

1

Русакова, Н. А. Описание материалов личного архива профессора В. А. Бочкарева, находящихся на хранении в Госархиве Самарской области // Самарские филологи. Виктор Алексеевич Бочкарев. Самара: Изд-во СГПУ, 2006, с. 206–210. Многие делают для публикации материалов архивов литературоведов в Саратовском университете.

² Абросимова, Валерия. «Правда всегда одна!» Письма академика Н.М. Дружинина Ю.Г. Оксману // Вестник РАН, 2000, № 12, с. 1120–1126; Она же. Из саратовской почты Ю.Г. Оксмана // Новое лит. обозрение, № 34, 1998, с. 205–230; Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954. Издание подготовил Константин Азадовский. Москва: НЛЮ, 1998; Грибанов, Александр. Ю.Г. Оксман в переписке Г.П. Струве // Седьмые Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1995–1996, с. 495–505; Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве. Публ. Лазаря Флейшмана // Stanford Slavic Studies, Vol.1 (1987), p. 15–70; Из переписки Ю.Г. Оксмана. Вступ. ст. и примеч. Мариэтты Чудаковой и Евгения Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988, с. 96–168; «Искренне Ваш Юл. Оксман»: (Письма 1914–1970 годов). Публикация Михаила Эльзона; предисл. Вадима Рака; примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Русская литература, 2004, № 1 с. 145–199; Оксман Ю.Г., Чуковский К.И. Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. Андрея Гришунина. Москва: Языки славянской культуры, 2001; Устинов, Андрей. Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю.Г. Оксмана к Л.Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. ст. и материалов к 50-летию Л. Флейшмана. Stanford: Stanford UP, 1994 (Stanford Slavic Studies, 8), p. 470–544.

Людмила Розанова), Петрозаводск (Моисей Гин), Тарту (Павел Рейфман, Сергей Исаков) и т.д. Несомненную ценность представляет его переписка с Юлианом Оксманом, Соломоном Рейсером, Исааком Ямпольским и др. В архиве Бушканца сохранилось около 5 тысяч писем, которые были им систематизированы при жизни. Осознавая огромную ценность писем, ученый просил наследников через несколько десятилетий после его смерти публиковать их, а затем передать в архив либо ИРЛИ (Пушкинского Дома), либо РГАЛИ.

На первом этапе – когда публикации такого рода только начались – интерес общества к письмам ученых определялся тем, что они отражали эпоху, состояние литературоведения как социального института в те или иные годы. Общая ситуация в провинции была несопоставимо тяжелее, чем в столицах. Так, годы заведования кафедрой Ефимом Бушканцем пришлось на годы «застоя»: это было время многочасовых партсобраний, нелепых и многочисленных справок, придинок к людям, независимо мыслящим. Потому кафедре литературы, на которой таких было немало, и заведующему приходилось сталкиваться с постоянными унижениями и несправедливостью. Потому и в переписке литературоведов можно найти материалы о том, как сложно было напечатать книгу или статью, как строились отношения с «руководителями» науки в обкомах и горкомах партии и пр., переписка содержит материалы об организации конференций, изданиях сборников, о том, как создавались препятствия для серьезной научной и преподавательской работы, т.е. о том, что, по аналогии с термином «литературный быт», можно назвать «научным бытом». В провинции, помимо отсутствия научной среды, очень сильна была постоянная мелочная зависимость от власти.

Так, например, Галина Борисовна Курляндская писала 8.02.1968:

«Обращаюсь к Вам с великой просьбой написать очень краткий отзыв на мою книгу «Метод и стиль Тургенева-романиста». Сейчас у нас в Орле открылась возможность переиздать книгу, и требуются срочно отзывы на нее. За то дело взялся Обком партии. Для ориентации я высылаю Вам тот отзыв, который в свое время писал А.И. Ревякин на мою диссертацию как внешний отзыв. Чтобы Вам особенно не думать, используйте его, конечно, немного изменив. Только очень прошу поскорее выслать отзыв. Всё дело горит, и я могу лишиться этой возможности переиздать книгу.

Простите за обращение к Вам, за несколько торопливое письмо. Но я надеюсь на Вашу дружескую поддержку».³

Так что даже вопрос об издании книги решался, как тогда говорили, «на высшем уровне».

Если в «столицах» можно было еще как-то «затеряться» среди многих, то в провинциальном городе это было нереально. Возможность получить кафедру тоже зависела от партийного руководства. Так, вопрос о приглашении Ефима Бушканца, как и в случае со многими другими, на заведование кафедрой в Педагогическом институте был сначала решен в обкоме партии Татарии.

Поскольку выбор места работы в провинциальном городе весьма ограничен, то любой ученый был зависим от обстоятельств гораздо больше, чем более свободный (и даже в выборе – преподавание или научная работа в исследовательском институте) ученый столичный. Так, в 1970-е годы заведующая кафедрой русского языка казанского Педагогического института Лия Шакирова, сестра первого секретаря Башкирского обкома партии, сочла своей миссией очистить факультет от заведующих кафедрами-евреев. Из пятерых благодаря научной репутации в стране остаться на своей должности и защитить коллектив кафедры смог только Бушканец, однако это стоило ему инфаркта. Уход из института и потеря работы в то время означали бы невозможность заниматься научной деятельностью, общаться со студентами, писать статьи.

Обстоятельства провинциального литературного быта раскрываются в переписке с Оксманом в саратовский период его жизни. Инициатором ее был в 1951 г. был молодой исследователь, обратившийся к известному литературоведу за научными советами. Постепенно письма становятся более откровенным обсуждением провинциальной атмосферы⁴. Так, 20.03. 1955 г. Оксман спрашивал:

«Вы, вероятно, уже сдали в типографию автореферат. Сейчас не требуется предварит. цензура, а потому темпы публикации значительно ускорены», – до этого даже для печатания автореферата необходимо было разрешение Главлита.

5.03. 1954 г. Бушканец благодарил за присланное издание «Ученых записок»:

«Ваша кафедра хорошо издается <...> Нашему университету далеко до Саратова – в Казанском процветает схоластика, наукой и не пахнет. Я с ними нахожусь в состоянии “холодной войны”».⁵

3

Все цитируемые письма хранятся в личном архиве и готовятся к публикации. При цитировании сохранены особенности индивидуального словоупотребления и синтаксиса авторов писем.

⁴ Письма Юлиана Оксмана к Ефиму Бушканцу хранятся в личном архиве, основная их часть публикуется впервые, письма Бушканца хранятся в фонде Ю.Г. Оксмана в РГАЛИ.

⁵ РГАЛИ. Фонд Ю.Г. Оксмана. Ф. 2567, оп. 1, е.х. 364, л. 15.

Критик Игорь Золотусский вспоминал о том, что в 1954 г. состоялось обсуждение студентами-филологами Казанского университета известной статьи Владимира Померанцева в «Новом мире» «Об искренности в литературе», на которое собрался весь город и после которого последовали обсуждения в парткоме и комитете комсомола, поиск зачинщиков и сочувствующих студентам преподавателей.⁶ Отголоском этих событий стало письмо 8.05. 1954. г.:

«Считаю нужным уведомить Вас о нижеследующем.

Под нажимом общественности и после коллективного выступления студентов IV-V курсов вчера было принято решение объявить конкурс на зав. кафедрой литературы Казанского университета. Решено, что надо, наконец, поставить русскую литературу более серьезно и пригласить настоящего специалиста.

Вас не заинтересует этот конкурс?

Я думаю, что на ряд условий Университет бы пошел.

Кстати (абсолютно между нами) руководство партбюро факультета выражало мнение, что было бы очень радо, если Ю.Г. Оксман согласился переехать в Казань.

Если Вас эта тема не интересует, порвите письмо (о нем никто не знает) и не будем возвращаться к этому вопросу».⁷

Отголоски этой истории возникают в письме от 20.07. 1954:

«Конкурс в нашем университете окончился весьма печально – новых ни одного, зав. каф. Колесникова (она была оппонентом по первой диссертации, когда Вы были в Казани), двум, которых талантливее других, накидали черных шаров. Положение стало еще хуже, чем было».⁸

Следствием всего этого и много другого была утрата научных школ, потеря навыков добросовестного литературоведческого исследования и пр. Всё это уже тогда, во второй половине XX в., вызывало не просто возмущение, но чувство ужаса, о чем писал рецензент издания переписки Оксмана и Марка Азадовского: «Читатель может подумать: да надо ли было так горячиться, негодовать из-за какой-то глупости, дичи, ахинеи? Но Оксман и Азадовский трубили тревогу потому, что литературная наука на их глазах трансформировалась в антинауку, в агитпроповский филиал ЦК КПСС. Марк Константинович ещё в 1943 году предупреждал Николая Гудзия: «Нужно сказать громко и ясно, в области филологической науки мы стоим перед катастрофой, – нам грозит полный регресс»»⁹. Ситуация того времени во многом определила современную культурную ситуацию, в которой особенно остро стоит вопрос вообще уже о значимости для общества литературоведения как науки.

В условиях агрессивной внешней среды для провинциального литературоведа важной была активная переписка – она выполняла важную функцию взаимной поддержки в тяжелых нравственных условиях и преодоления провинциальной замкнутости. Показательно, насколько значимым для Бушканца как начинающего литературоведа, было начало переписки с Оксманом. Опальный, недавно только выпущенный после десяти лет лагерей и работавший в Саратове, Оксман продолжал неофициально быть одним из самых авторитетных литературоведов, а потому его поддержка означала первое настоящее научное - и не только - признание. Уже шла речь о том, что филологическое образование в Казанском университете было весьма невысокого уровня, сам выпускник это прекрасно понимал и в качестве своих научных учителей выбрал именно саратовскую филологическую школу. Поэтому он писал Оксману 17.03 1954 г.: «Вы даже не догадываетесь о том, *насколько* мне полезны Ваши советы»¹⁰. В ответ (1.12. 1954 г.) – серьезная научная школа: «Только 15.09 рассматривали вопрос о вашей диссертации на кафедре (предварительные отзывы поручены были мне и П.А. Бугаенко) – и только вчера я с пером в руках вторично прочел автореферат с тем, чтобы сделать окончательные «рекомендации» (первое чтение меня не удовлетворило, а потому через три-четыре дня вернулся к авт-у вторично). В настоящей своей редакции автореферат явно неудовлетворителен – и по существу и по форме. По существу он

⁶ Золотусский, Игорь. Казанские арабески // Он же. От Грибоедова до Солженицына. Россия и интеллигенция. Москва: Молодая гвардия 2006, с.279–283.

⁷ РГАЛИ. Фонд Ю.Г. Оксмана. Ф. 2567, оп. 1, е.х. 364, л. 21.

⁸ РГАЛИ. Фонд Ю.Г. Оксмана. Ф. 2567, оп. 1, е.х. 364, л. 22.

⁹ Селезнёв, Виктор. Рец. [Марк Азадовский. Юлиан Оксман. Переписка. 1944 – 1954] // Волга, 1999, № 2, б.паг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/2/azadov.html> – Проверено 20.06.2015.

¹⁰ РГАЛИ. Фонд Ю.Г. Оксмана. Ф. 2567, оп.1, е.х. 364, л. 18.

не отражает в достаточной степени достижения вашей работы, не конкретен, беден материалом. По форме – он косноязычен, элементарен в некоторых важных разделах и формулировках, вместо точных цитат дает их пересказы (борьба с начетничеством вовсе не заключается в том, что установочные для данной темы формулировки классиков марксизма заменяются их «переводом на язык родных осин»). Очень примитивна и ваша тенденция заменить сжатый очерк рассматриваемых проблем и их решений – канцелярской отчетностью («В работе рассматривается...», «Во второй главе указывается», «В главе показывается, как» и т.п.) эти «переходы» никому не нужны, ибо «быка надо брать за рога», заменяя упаковочный словесный материал мыслями и фактами, которых у вас очень много в диссертации, но маловато в автореферате. У вас, очевидно, были плохие образцы авторефератной продукции, а мы установили в Саратове более высокий стандарт, по образцу академических институтов, а не педвузов. В свое время я немало повозился с авторефератом Куликовой – посмотрите его повнимательнее для учета чужого опыта! Уделите больше внимания и языку, который порою у вас поражает своей небрежностью (и лексика, и синтаксис, и фразеология!). Не стесняйтесь пошире использовать свои достижения, побольше фактов и доказательств!». 4.01.1955 г. Оксман продолжил: «В общем я удовлетворен вашей переработкой, но досадные промахи все-таки встречаются и сейчас. У вас очень странные обороты литер. речи, чуждые духу русского языка («требовали создать» вм. «требовали создания», воспитывали *через* Современник, «Герцен упрекался за то», и т.п.). Многие ссылки включены вами в текст вм. того, чтобы быть в примечаниях». Затем – 11.03. 1955: «Хорошо, что вы устранили из автореферата кой-какие спорные и неточные заявки и формулировки. Но в диссертации остались кой-какие вихры, за которые вас собираются оттащить П.А. Бугаенко. Он подозревает вас в усвоении приемов М.В. Нечкиной, которые сейчас не в моде.

Спасибо за информацию о ваших планах и работах. Женя Шилова работает где-то в Ленинградском Истор. архиве (точно о ней вам может сказать Л.А. Мандрыкина, моя ленингр. приятельница). Над Слепцовым работает В.Э. Боград, много сдавший уже материалов о нем в «ЛН».

Благодарю вас за вашу телеграмму. Мой «юбилей» неожиданно для всех вылился в большие формы. Я получил приветствие от Акад.Наук, Союза Писат., Московского и Ленингр. ун-ов, кафедр рус. лит. едва ли не всех прочих ун-ов, Инст. Мир. лит., Пушк. Дома, Гослитиздата, «Библ. поэта», лит.архива, а главное, от 240 писателей, академиков, профессоров, лит. друзей и т.п. Саратовские власти, организовавшие юбилей под знаменем «оставайтесь в Саратове, где вас так любят и ценят», увидели, что в Москве и Ленинграде ко мне относятся тоже неплохо! Очень значительные приветы были от Виноградова, Федина, Леонова, Тихонова, Каверина, Н. Никитина, К.И. и Н.К. Чуковских, Нечкиной, Алексеева, «Лит. Наследства». Студенты реагировали особенно бурно на письмо Андроникова».

Такого рода переписка позволяла ощущать себя частью той группы людей, которые сохраняли традиции интеллигенции XIX века – эти традиции «передавались по наследству» и были формой внутреннего диссидентства.

Но есть еще один важный вопрос, который возникает в связи с изучением данного вида источников: письма литературоведов позволяют реконструировать важные стороны самосознания российской провинциальной гуманитарной интеллигенции. Евгений Тоддес поставил вопрос о том, что отношение к советской идеологии, в условиях которой происходило становление и творческая работа литературоведа, можно обозначить как «адаптацию и интериориоризацию»¹¹, т.е. невольное согласие в рядом мировоззренческих установок, неизбежное для самооправдания и самосохранения. Нам кажется, что многое было сложнее.

Переписка свидетельствует о том, что провинциальная научная (литературоведческая) интеллигенция была близка к народническому типу, для которого характерны ориентация на деятельное отношение к действительности, стремление преобразовать общество в том числе через просветительство, опора на нравственный идеал и утопические представления о том, что нравственность и добро могут изменить несправедливый – в данном случае советский мир. Именно это обуславливало, например, выбор тем для исследований. Интерес к творчеству писателей-демократов, к деятельности цензуры, к общественному движению был в этом контексте не данью

¹¹ Тоддес, Евгений. Б.М. Эйхенбаум в 30–50-е годы: К истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции // Тыняновский сборник. Вып.11. Девятыне Тыняновские чтения. Москва: ОГИ, 2002, с. 563–694.

официальной идеологии – скорее, наоборот, это была форма духовной оппозиции действующей тогда власти и сферой лично значимой. Многие представители саратовской, орловской, петрозаводской литературоведческих школ сделали предметом своих исследований биографию и творчество писателей-разночинцев 1860-х годов, народников 1870-х, Николая Некрасова или Николая Чернышевского. Сейчас эта тематика зачастую интерпретируется как дань литературоведения советской эпохе, идеологии. Безусловно, для некоторых исследователей «официально» одобренные писатели, связанные с революционным движением, были возможностью сделать быструю литературоведческую карьеру. Однако для тех литературоведов, о которых идет речь, те же Некрасов или Чернышевский были не теми писателями, которые были выхолощены и выпрямлены интерпретациями, данными в рамках советской идеологии, а яркими, противоречивыми, сложными и действительно талантливыми личностями. Ощущая себя наследниками разночинной интеллигенции, литературоведы обращались к жизненному опыту этих авторов как лично значимому для себя, это был опыт противостояния власти, опыт жизни в драматических обстоятельствах эпохи. Интерес к историко-литературным вопросам, к социологии литературы на стыке с историей также определялся не официальным марксизмом, а искренним убеждением в том, что деятельность личности неотделима от общества и общественных ценностей. Личность и общество – эта проблема определила важность архивных разысканий, профессионализм которых очень ценился в этой среде. Отсюда же и проявлявшееся настороженное отношение к тем направлениям, которые были связаны с изучением чистой поэтики, к структурализму и пр. – оно было вызвано не провинциальной отсталостью или уступкой требованиям «свыше», но ощущением того, что такая методология отделяет литературоведение от жизни.

Будучи «народником», провинциальный литературовед ощущал себя культурным деятелем¹² и гордился этим. Именно поэтому в переписке большое место занимают «миниотчеты» о проведенных конференциях, лекциях. Галина Курляндская 17.01.1988 г. писала:

«Я понимаю Вашу жажду общения с людьми духовно близкими и одной профессии. <...> Живём теперь разъединенные по разным углам нашей великой Родины. А так необходимо другой раз поговорить по самым острым вопросам нашей жизни.

В.А. Громов процветает, мы не знаем о его здоровье. В гости не ходит и к себе не приглашает, живет предельно скупой и уединенно. У нас на кафедре каждый – индивидуалист, сам по себе. Только я всех объединяю».

Но главное, письма литературоведов являются источником по истории литературоведческой мысли, они отражают этапы источниковедческих разысканий, взаимную помощь в уточнении ссылок и пр., содержат небольшие рецензии и полемику. В целом переписка отражает как норму общения высокую требовательность друг к другу. Не случайно рецензент издания переписки Оксмана и Азадовского спорил с мыслью о том, что главным в письмах является отражение эпохи и ее политической составляющей: «В жизнеописаниях героев XX века на роль властительницы их судеб обычно претендует политика. Вот и переписка Марка Константиновича Азадовского и Юлиана Григорьевича Оксмана, изданная «Новым литературным обозрением», уже в предисловии, озаглавленном «Письма ученых как зеркало эпохи», включена в политическую историю XX века. <...> Правда, судьбы Азадовского и Оксмана дают основание для такого взгляда. Ю. Г. Оксман, пушкинист и декабристовед, издатель произведений русских классиков, был репрессирован в 1936 году и провел на Колыме почти десять лет. <...> Отчетливая гражданская позиция, занятая Оксманом в 1960-х, дала возможность автору предисловия назвать его участником «освободительного движения 50-60-х гг. нашего столетия» (то есть диссидентского движения). <...> перевоплотиться из ученого в профессионального революционера он согласился бы едва ли. Думать так позволяют нам сами письма. Вчитываясь в них [в письма ученых], мы чувствуем, что средоточие жизни их авторов – это филологическое исследование; все остальное: мытарства по издательствам, травля, быт – периферия, которая, увы, слишком назойливо и болезненно обращает на себя внимание. <...> Наблюдая за диалогом ученых, мы понимаем, почему научное творчество – творчество коллективное. Коллективное в том смысле, что верное понимание текста – это плод живого обмена мнениями, плод взаимной критики и обсуждения, проверки полученных результатов другими исследователями. Именно потому столь велика для нормального развития науки роль

¹² Чудакова, Мариэтта. Обвал поколений // НЛЮ, №77, 2006, б.паг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/chu20.html>. – Проверено 28.07.2015.

научной общественности. Недаром Азадовский и Оксман, как это видно из писем, особенно болезненно переживали деградацию научного сообщества, начало которой им пришлось наблюдать».¹³

Это ощущение совместного научного «общего дела» проявляется, например, в письмах вышеупомянутого орловчанина Владимира Громова, чрезвычайно эмоциональных, свидетельствующих о личностной, а не по долгу службы вовлеченности в литературоведческий поиск. В декабре 1986 г. он писал (дата восстановлена из содержания письма):

«Спасибо, дорогой Ефим Григорьевич, за добрую память, новогодние пожелания, просто за почерк Ваш – всегда для меня понятный, близкий и очень приятный!

Пусть 1987-й будет для Вас добрым, щедрым, хорошим – во всём.

Занятия, заседания, бумаги (никому ненужные...) Как говорится, та-то весть и у нас есть! Но помаленьку кое-что кропаем.

Посылаю Вам к сведению три газетных заметки (на машинке для Пушк<инского> дома это 30 стр.). Посмотрите в свободный часок и, если вспомнится что в связи с этой темой о Л.Н. Майкове, о М.И. Семевском, – черкните при случае (включая свои сомнения).

О Некрасовских чтениях в Ярославле я узнал уже после их окончания, в Иваново тоже не попал (хотя там я был в Программе), а вот в Пензе и – само собой – в Тарханах и Чембаре побывал минувшим летом на 175-летию Белинского. Впечатления мировоззренческие – ей-ей! Надо ездить по городам и весям! Это сильнее книг! Это жизнь!

Галина Борисовна в прекрасной рабочей форме, но о новых чтениях что-то пока разговора нет. Ваш В. Громов».

Или чрезвычайно интересное в психологическом плане следующее письмо от 24.12.1973 г.:

«Пишу Вам несколько слов у входа в ЦГАЛИ (сейчас еще 8.30), где «допроверяю» удивительно точные и сочные (простите за невольную рифму!) «Воспоминания о Тургеневе» Н.А. Островской. Эти безусловно лучшие во всей тургеневской мемуаристике воспоминания я мечтаю со временем издать отдельной книжкой с предисловием и комментариями. Такова моя «сверхзадача» – на будущее! – в этом деле. А пока готовлю публикацию принципиальнейших пропусков, имеющих место во всех печатных текстах этих воспоминаний, подлинник которых отличается от того, на что ссылаются тургеневисты, так же, как живое густолистое и цветущее дерево отличается от штабеля дров...

<...> Огромное Вам спасибо за указание Вашей публикации о Бекетове в «Огоньке» в 1951 г. Она не была мне известна, к сожалению, когда я писал о «Поэте и гражданине». А между тем это однородные промахи «либерального по глупости» цензора. В дальнейшем я буду использовать Вашу замечательную публикацию как еще один аргумент».

Специфика переписки литературоведов как источника в том, что неочевидным, но важным третьим участником диалога являются сами исследования, ради которых и шли в письмах обсуждение и полемика. Вне этого контекста переписка теряет смысл. В частности, всеми этими особенностями обладают письма Натана Яковлевича Эйдельмана. Всего его писем в личном архиве Ефима Бушканца сохранилось одиннадцать. Так, 30.03.1963 г. он писал:

«Посылаю только что выпеченный экземпляр «Бахметева», надеясь на соответствующий «эквивалент».

С Еленой Петровной Подъяпольской – беседовал. Она очень взволновалась: Павел Подъяпольский – это её дед. Минх – тоже ее близкий родственник. Если это – Григорий Николаевич Минх, значит у Чернышевского учился врач с мировым именем, причем неоднократно подвергавшийся преследованиям за левые убеждения. Елена Петровна – сотрудница Института истории, Ваш доклад она после разговора со мной прочла, мне сказали, что она будет очень рада, если Вы ей напишете. Адрес ее такой <...>. Теперь – еще один сюжет: очень Вам благодарен за то, что ткнули меня в материалы о Лобачевском и мемуары П.П. Перцова. Действительно, П.П. Перцов был племянником Эраста, Владимира и др., и умер всего [пару – зачеркнуто] несколько лет назад! В Архиве Академии Наук, оказывается, лежат неопубликованные мемуары П.П. Перцова (старшего) – брата Эраста и Владимира. Я их уже заказал. Но вот что любопытно: в св-их мемуарах П.П. Перцов

¹³ Беглов, Алексей. Тусклое стекло [Рец. на: М Азадовский. Ю. Оксман. Переписка. 1944–1954. Москва: НЛО, 1998, 410 с.] // Русский журнал. [Электронный ресурс] – Режим доступа свободный: <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-08-19/beglov.htm>. – Проверено: 20.06.2015.

(младший) пишет, что, когда он в 1894 г. в Казани составлял хрестоматию лучших стихотворений молодых поэтов, ему помогал «двоюродный брат Владимир Владимирович (!) Перцов – тогда студент лесного института (впоследствии заведующий статистикой Казанского губернского земства; скончался в августе 1921 г.)».

«Эге! – сказал я. Вот сын моего героя. А нет ли у сына сыновей или внуков? А не живут ли они в Казани и не прячут ли за пазухой ценнейшие бумаги?»

Ефим Григорьевич! Понимаю, сколь Вам некогда и не смею затруднять Вас. Но нельзя ли узнать – существует ли в Казани сейчас ветвь Перцовых? Куда, к кому мог бы я написать etc. Хотя б один адрес! Была б «зацепка» ей-ей, в Казань бы ринулся.

Вот дела какие.

Продолжаю подчищать свой труд о корреспондентах – надеюсь вскоре угостить Вас экземпляром онога».

Провинциальный литературовед 1950-1990-х годов – это прежде всего человек особого психологического типа. Его жизнь была драматичным противостоянием обстоятельствам, однако «народническое» мироощущение и «позитивистское» мировоззрение, унаследованные от XIX века, позволяли не терять ощущения смысла своей деятельности. Это часто был неявный оппозиционер и в то же время человек, искренне мыслящий общественными категориями, вопреки среде – культурный деятель в духе земской интеллигенции, наряду с преподавательской работой сотрудник или консультант музеев, автор публичных лекций, популярных сборников и брошюр, экскурсовод по родному городу и пр., человек, искренне счастливый в работе со студентами, смысл жизни которого – в архивных и библиотечных открытиях. Не случайно почти в каждом провинциальном вузе был такой человек, которого помнят именно как деятеля и поколения студентов, и горожане. Традиция XIX века, как видим, оказалась очень стойкой... но в наше время практически исчезла. А вместе с уходом этой традиции многие литературоведы оказались в ситуации одиночества и отчаяния.

Источники:

Русакова, Н. А. Опись материалов личного архива профессора В. А. Бочкарева, находящихся на хранении в Госархиве Самарской области // Самарские филологи. Виктор Алексеевич Бочкарев. Самара: Изд-во СГПУ, 2006, с. 206–210;

Абросимова, Валерия. «Правда всегда одна!» Письма академика Н.М. Дружинина Ю.Г. Оксману // Вестник РАН, 2000, № 12, с.1120–1126;

Она же. Из саратовской почты Ю.Г. Оксмана // Новое лит. обозрение, № 34, 1998, с. 205–230;

Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954. Издание подготовил Константин Азадовский. Москва: НЛО, 1998;

Грибанов, Александр. Ю.Г. Оксман в переписке Г.П. Струве // Седьмые Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1995–1996, с. 495–505;

Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве. Публ. Лазаря Флейшмана // *Stanford Slavic Studies*, Vol.1 (1987), p. 15–70; Из переписки Ю.Г. Оксмана. Вступ. ст. и примеч. Мариэтты Чудаковой и Евгения Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988, с. 96–168;

«Искренне Ваш Юл. Оксман»: (Письма 1914–1970 годов). Публикация Михаила Эльзона; предисл. Вадима Рака; примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // *Русская литература*, 2004, № 1 с. 145–199;

Оксман Ю.Г., Чуковский К.И. Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. Андрея Гришунина. Москва: Языки славянской культуры, 2001;

Устинов, Андрей. Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю.Г. Оксмана к Л.Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. ст. и материалов к 50-летию Л. Флейшмана. Stanford: Stanford UP, 1994 (*Stanford Slavic Studies*, 8), p. 470–544.